**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Выпуск 11

Издательство Томского университета
2011

ния права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок – около двух евро. Интересно также то, что судебная практика до принятия совместного постановления шла по другому пути трактовки закона. Например, в постановлении Пленума указано, что заявитель не обязан доказывать наличие вреда в связи с затянувшимися сроками судопроизводства, так как причинение вреда в этом случае презюмируется, а на практике суды исходили из необходимости доказывания этого вреда (Решение ФАС Московского округа от 24.09.2010 № КГ-А 40/9717–10 по делу № А40-58070/09-36-243). Также были случаи, когда суд отказывал в присуждении компенсации на основании непредоставления заявителем доказательств возникновения негативных для него последствий, которые были причинены чрезмерно длительным сроком рассмотрения дела (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.12.2010 по делу № А46-10001/2009).

Аналогичным образом в разрез с постановлением Пленума шла практика судов о присуждении компенсации по вопросам наличия или отсутствия вины суда и органов исполнения судебных актов. Встречались судебные решения, в которых отсутствие умысла в действиях суда на затягивание процесса рассматривалось как основание для отказа в требовании о присуждении компенсации. Вышеупомянутое постановление Пленума по этому вопросу дает однозначный ответ: наличие или отсутствие вины суда не влияет на присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ И ПРОБЕЛЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

С.А. Кузнецов, студент ЮИ ТГУ
Научный руководитель – ст. преподаватель ***В.В. Ожередова***

В литературе отмечается дискуссионность современного понятия «прецедент».

В то же время для системы общего права прецедент в исходном его значении представляет собой судебное решение по конкретному делу, рассматриваемое как образец при решении аналогичных дел в последующем[1].

Согласно классической доктрине применение решения вышестоящего суда по сходному делу обязательно для нижестоящих судов и для суда, вынесшего это решение. Обязательность судебного прецедента означает, что судебное решение приравнивается к правовой норме и является источником права[2].

По мнению Д.А. Туманова, взаимосвязь вопросов пробельности права и судебного прецедента может быть выражена в нескольких аспектах[3]: а) в характере понимания правообразования и пробелов в праве в зависимости от типа правовой системы

[1] См.: *Популярный* юридический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 587.
[2] *Процессуальное* право: Энцикл. словарь / под ред. Т. Е. Абовой и др. М., 2003. С. 403.
[3] См.: *Туманов Д.А.* Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 123-124.

и той роли, которую играет при этом суд; б) в природе тех признаков, которые лежат в основе так называемых способов преодоления пробелов в праве и рождения судебного прецедента; в) в определении места судебной практики в системе источников права, в том числе в сравнении с судебным прецедентом.

По мнению одних ученых, роль источника права может и должен играть только нормативный правовой акт (С.Ф. Кечекьян, А.Ф. Шебанов, С.В. Курылев, И.Б. Новицкий и др.)[1].

По мнению других авторов, судебная практика не просто может, а должна играть роль источника российского права, поскольку это является необходимым условием для нормального функционирования правоприменительного аппарата (П.И. Стучка, А.Б. Венгеров, В.М. Баранов, М.М. Исаев, М.Д. Шаргородский, С.С. Алексеев и др.)[2]. По словам В.М. Жуйкова, судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР, всегда признавалась источником права. Не будучи признанной официально, она тем не менее фактически учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права[3].

Став на позицию, в соответствии с которой в российской *системе права прецедент в качестве источника права де-юре* отсутствует[4], нельзя отрицать возможность существования в нашей правоприменительной системе иных форм прецедента. Например, И.А. Ястржембский, кроме обязательного, «классического» прецедента, выделяет толковательный, убеждающий и информационный прецеденты, каждый из которых в целом существенно отличается от своего прототипа[5].

Главной особенностью всех перечисленных прецедентов, которая отличает прецедент в его классическом понимании, является то, что все они носят исключительно правоприменительный характер. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в российской системе права существует так называемый прецедент правоприменения, который может иметь как фактически обязывающее выражение, так и быть основанным исключительно на букве закона.

---

[1] См.: *Теория* государства и права / под ред. *П.С. Ромашкина, М.С. Строговича, В.А. Туманова*. М., 1962. С. 405; *Теория* государства и права / под ред. *Я.Т. Александрова* и др. М., 1968. С. 454.

[2] См.: *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 176; *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М., 2000. С. 352.

[3] См.: Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 79—90.

[4] В данном случае речь идет лишь об актах судов общей юрисдикции и арбитражных судах, а не об актах Конституционного суда РФ, обладающих особым статусом.

[5] См.: *Ястржембский И.А.* Современное понимание сущности судебного прецедента // Lex Russica (научные труды МГЮА). М., 2004. № 1. С. 353.